

Пустошинская Ольга Сергеевна

КАТЕГОРИЯ "ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ": ОСМЫСЛЕНИЕ С ПОЗИЦИИ ДИАЛЕКТИКИ И СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена раскрытию смыслового наполнения категории "политический протест". В ней анализируются подходы к интерпретации понятия, излагается авторский взгляд на проблему концептуального определения, практическая значимость которого со временем возрастает. Опираясь на принципы диалектики и теоретическую модель Дж. Сартори, автор делает попытку выделить ключевые характеристики феномена, предложить направления его эмпирического исследования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/1-1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 185-188. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 323.2

Политология

Статья посвящена раскрытию смыслового наполнения категории «политический протест». В ней анализируются подходы к интерпретации понятия, излагается авторский взгляд на проблему концептуального определения, практическая значимость которого со временем возрастает. Опираясь на принципы диалектики и теоретическую модель Дж. Сартори, автор делает попытку выделить ключевые характеристики феномена, предложить направления его эмпирического исследования.

Ключевые слова и фразы: качественные характеристики политического протеста; «лестница абстракций» Дж. Сартори; конфронтационность; нестандартность; целенаправленность; привязка к конфликтной ситуации.

Пустошинская Ольга Сергеевна, к. полит. н.

*Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий
pustoshinskayaolga@yandex.ru*

КАТЕГОРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ»: ОСМЫСЛЕНИЕ С ПОЗИЦИИ ДИАЛЕКТИКИ И СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ[©]

В условиях космополитической реальности и мирового общества риска проблема политического протеста выходит на новый уровень актуализации. *De facto* интенсификация протестных практик все чаще вызывается не столько внутривнутриэкономическими, а также социально-политическими противоречиями, сколько стимулируется глобализационными факторами и интервенциями, представляющими угрозу национальной безопасности. Данное обстоятельство требует оставления тематики в поле перманентного академического дискурса и мониторинговых эмпирических исследований.

A priori основанием разработок прикладного характера выступает понятие политического протеста. От корректности его дефиниции, предполагающей интеграцию ключевых смыслообразующих признаков, характеризующих специфику феномена, в значительной степени зависит выбор фокуса изучения, качество отбираемого информативного материала, на выходе – практических рекомендаций. Следовательно, в случае с определением понятия претензия на научную полноту, четкость и универсальность приобретает принципиальное значение.

Однако на практике решение указанной исследовательской задачи вызывает трудности, обусловленные рядом причин.

Во-первых, речь идет об абстракции, в которой на когнитивном уровне находят воспроизведение локализованные в социально-политической сфере аспекты. Отсюда имманентность присутствия элемента субъективности, атрибутированной личностью автора, что влечет дисперсность интерпретаций.

Другой узел проблем обусловлен влиянием эпистемологической переменной. Содержание концептов корреспондирует диапазону теорий, принятых в разных отраслях обществоведческого направления.

Наконец, в силу действия закона релятивности и избирательности сущностные пределы рассматриваемого понятия предопределяются конкретной цивилизационной и временной объективной реальностью, крайне динамичной. Это исключает построение однозначного, законченного, обладающего онтологической устойчивостью ментального конструкта.

Так, обращение к литературе нормативно-лингвистического свойства позволяет констатировать, что в формате отечественной традиции политический протест, в частности, эксплицируется в категориях функции от общественно-политического контекста, ответа на проводимую политику, организацию системы администрирования, действия контрагентов, увеличивающие показатели депривационной напряженности, конфликта интересов, ценностных рассогласований.

Например, в словаре-справочнике под редакцией А. Пугачева закреплена следующая семантика словосочетания: «политический протест – негативная реакция субъектов политики на принимаемые властью решения, сложившийся политический порядок, действия противников и оппонентов» [5, с. 182-183]. В аналогичном ключе репрезентировано понимание сущности предмета в политической энциклопедии, составленной К. Гаджиевым, Ю. Ирхиным, А. Панариным и др., и словаре терминов, разработчиками которого являются Г. Белов, Г. Куприяшин, Т. Лебедева, Г. Марченко и др. [1, с. 110-111; 3, с. 523].

В данном случае прочитывается апелляция к бихевиоралистскому аппарату, концепции поведения по формуле «стимул → реакция».

В то же время в российской академической среде получает распространение альтернатива, сформированная под влиянием утвердившихся в западной науке теорий социальных движений. В их основании доминирует активистско-деятельностный подход, который привносит свою методологическую специфику в область политического анализа. В его рамках политический протест воспринимается в качестве неотъемлемого элемента, продолжения рутинизированной общественно-политической практики в партиципаторных демократиях и определяется как коллективное действие солидарных рациональных акторов, ориентированных

на введение новых центров власти либо замещение прежних, изменение соотношения политических сил и механизмов дистрибуции ресурсов в соответствии с собственными запросами и ценностями [10, с. 37; 12].

В отношении российской ситуации оба варианта являются рабочими. Известная ограниченность версий легко преодолевается при условии их взаимной комплементарности. В таком качестве они удовлетворяют национальным трансформациям, носящим парадоксальный характер. Общеизвестно, что продвижение России к глобализующейся и модернизирующейся современности сопровождается гибридизацией компонентов общественного сознания, институтов и практик, сращиванием опирающихся на отечественный генотип форм с импортированными новациями.

Однако, несмотря на то, что в силу установленных выше объективных и субъективных причин любая попытка искусственно выделить рассматриваемому означаемому абсолютное место в пространстве знаково-смысловых конфигураций обречена на неудачу, остается шанс для релевантного самоопределения с совокупностью характеристик, выполняющих довлеющую объяснительную функцию. Данная возможность существует благодаря уникальной природе явления, позволяющей при интенциональном отображении аудиального и визуального восприятия вербального носителя безошибочно его идентифицировать.

Для достижения цели представляется необходимым обращение к методике концептуализации, обоснованной Дж. Сартори, его «лестнице абстракций» [7, с. 153-155]. В рамках логики выбранной теоретической схемы следует развернуть анализируемое понятие до предельной степени обобщения, предполагающего принадлежность к одному классу явлений, а затем, перемещая его с универсального уровня на низший, посредством детализации раскрыть признаки, дифференцирующие однородный объект в общей серии.

Очевидно, что в рассматриваемых дефинициях активность выступает кластерной категорией, поглощающей маркированные авторами случаи. В логической цепочке перехода от абстрактного к конкретному обнаружение значения, которое она в себе несет, является определяющим.

Опираясь на социологию А. Шюца, можно утверждать, что идея, актуализируемая посредством обозначенного слова, связана с динамикой, производством, эволюцией. Это справедливо как в отношении ментально-психологического, так и физического порядков. Причем, если на уровне первого могут иметь место возврат к исходной посылке и аннулирование предпринятых мыслительных операций без наступления изменений в пространстве материальных и социальных объектов, то при внешнем исполнении неизбежны последствия независимо от стадии блокировки процесса при необходимости. Отсюда закономерность вывода о каузальной зависимости совершаемого и ответственности за него [11, с. 5-6, 9].

Физическая активность, в свою очередь, в социальной науке обозначается термином «поведение». Согласно П. Штомпке, поведение отличают предполагающий регистрацию со стороны демонстрационный эффект, а также сложноорганизованная структура форм. Она включает спектр в диапазоне от биологических рефлексов, телодвижений практического характера, речевой деятельности до обусловленных эмотивными предикторами или рационально осознанных, построенных на волевом и интеллектуальном началах интеракций, а также адаптационных проявлений конформизма и девиантности [9, с. 42-43, 54-56, 59-60, 420]. Основываясь на теоретических воззрениях П. Сорокина, в состав поведенческого ряда также необходимо инкорпорировать состояние, находящееся в оппозиции «деланию чего-нибудь» и классифицируемое автором на «акты воздержания» и «акты терпения» [8].

В процессе передвижения по «лестнице абстракции» обнаруживается, что варианты поведения, обеспечивающие смысловым содержанием, выделяются в так называемую группу действий. Приписывание им смыслов осуществляется либо собственно исполнителями, либо наблюдателями. При этом мотивационная и культурная переменные способствуют пластичности коннотативной системы. Иными словами, ее специфика проистекает из своеобразия целей, побудительных причин, установок личности, а также норм и ценностей, конвенционально принятых и укорененных в человеческих сообществах [9, с. 44].

Дальнейшее обсуждение в рамках решаемой в статье задачи посвящается категории «социальное действие», сравнительно более редуцированной с точки зрения усиления понятийной определенности. В понимании М. Вебера, социальным является действие, осложненное набором атрибутов. Оно отличается направленностью на иные социальные субъекты, а его содержание приводится в соответствие с реальными или номинально полагаемыми ожиданиями адресата, адаптируется к референтной поведенческой линии [2, с. 602-604]. Данная перцепционная рамка отсылает к диалектике социальной коммуникации, интеракционным механизмам, в которых чередование инициативы и реакции на нее является закономерным.

Переход на следующий уровень теоретического обособления задается интерналом политической альтернативы, обеспечивающей вбрасывание в анализируемый концепт дополнительных смыслов.

Обращение к научной литературе позволяет утверждать, что к политическим принято причислять действия, разворачивающиеся вокруг вопроса о власти и реализуемые в секторе производства соответствующих артефактов. Предполагается, что их совокупный результат ведет к воспроизводству, эволюции либо разрушению объектов политической структуры [6, с. 73-74; 12, р. 16]. Таким образом, цели и последствия, отвечающие признакам политической природы, признаются главными критериями обозначенных действий.

Проецирование теоретической матрицы на праксиологическую плоскость дает возможность сформировать представление о следующем содержательном наполнении категории «политический протест».

Безусловно, периферийный пояс смыслового поля понятия формируется значением, демаркированным объемом генеральной семантики, указывающей на движение как процесс развития. Последний представляет собой последовательность смены состояний, актов и предполагает изменения во времени и пространстве. В этой связи следует обратить внимание на стадийность конкретного протестного выражения, а также

трансформацию протестной сцены в целом. С другой стороны, нуждается в осмыслении эволюция официального реагирования, поскольку независимо от того, достигнута протестная воля или нет, сам факт ее диктата определяет неизбежность корректировок и перегруппировок в политической системе.

Может возникнуть вопрос об адекватности причисления прецедентов пассивного поведения к нестационарному ряду, так как бездействие по определению полярно активным формам. Однако было бы неверным делать выводы, руководствуясь одним исследовательским ракурсом. Его перемещение с физической реальности на ментальное пространство служит конвертации воспринимаемой данности, например, проявлений абсентеизма, в «акты воздержания». Это устраняет возникшее противоречие: последние предполагают протекание процессов во внутриличностной структуре на интеллектуальном, волевом и ценностном уровнях и представляют собой позиционирование негативного отношения к сложившейся практике выборов.

Одним из ведущих признаков политического протеста необходимо признать его осмысленность субъектом. Включение в сферу принятия властных решений предполагает поглощение приватного сегмента областью политического, приобретение социальным актором качеств, позволяющих осуществлять персональную политическую роль. В иерархии его внутриличностных ресурсов, подлежащих превращению в функциональный политический капитал, начинает превалировать политическое самосознание как определение собственного места в системе одноименных отношений, понимание групповых интересов и коллективной проблемы, возможностей и последствий своих действий. Таким образом, осознанность и целеполагание в случае с рассматриваемым вариантом протеста носят обязательный характер.

Важным аспектом, выделяющим политический протест из поведенческого ряда, является его нестандартность относительно массовых и устойчивых форм. Апелляция к данным статистики позволяет говорить о том, что рассматриваемый тип поведения не характерен для российского общества: он встречается в значительной степени реже, чем в 50% случаев [4]. На отклоняемость указывает и критерий, имеющий политико-правовую валентность. Во-первых, акции прямого действия находятся во фронтальной оппозиции к классическим в ортодоксальном понимании формам участия. Они характеризуются автономностью, эпизодичностью и непредсказуемостью. Во-вторых, несмотря на конституированное право граждан на неконвенциональное выражение, последнее, вследствие дестабилизирующего и сегрегирующего эффекта, не относится к классу властно одобряемых видов гражданской активности. В-третьих, во внепарламентской деятельности нередко используются не согласующиеся с административной санкцией и правовой нормой проявления, которые на поведенческом континууме образуют полюс девиантности и делинквентности.

С полным основанием к ключевым характеристикам политического протеста следует отнести поливариантные субъект-объектные отношения. Эвристическая правомерность данного тезиса верифицирована практикой, свидетельствующей о невозможности проявления феномена вне общественно-политической трансакции.

Причем многочисленные примеры служат подтверждением тому, что действия протестующих выступают одновременно и реакциями, и стимулами. Примат первых либо вторых определяется наличием управляющего элемента, а также тем, какая социальная основа – массовая/гражданская – формирует мобилизацию, связана она с угрозами жизненному благополучию или имеет наступательный характер, выражая претензию на власть и привилегии.

Безусловно, смысловое ядро концепта содержит ассоциаты, указывающие на антагонистическую модальность вертикальных отношений. При упоминании словосочетания возникают представления о противостоянии позиций, обмене требований и ответов. В основе конфронтации – дивергенция интересов и ценностей, обусловленная логикой общественного разделения труда и неравенством доступа к совокупному продукту, господству в дискурсивном пространстве, каналам статусного восхождения.

Однако, как правило, протестная интеракционная система не ограничивается линией непосредственного и явного противоборства. Параллельно ей развивается констелляция взаимодействий, носящих факультативный, нередко латентный, солидаристский либо контрактный характер. Например, современным протестным трендом является агентность геополитической ориентации. Она представлена закулисными игроками, сосредотачивающимися на экспансивных устремлениях. Обладая финансовыми, символическими и иными ресурсами, руководствуясь внутристрановой политической конъюнктурой, они проектируют и организуют проведение протестных операций на территории Российской Федерации.

Нередко адресатом протеста выступают кроме властвующих агентов и политических конкурентов целевые группы, образующие сеть доверия. Они рассматриваются в качестве потенциальных инсайдеров, от идентификационного вектора которых в значительной степени зависит сила резонансного общественного эффекта, обеспечивающего реализованность протестных ожиданий и масштаб правительственных уступок.

В свою очередь, в провластном секторе отношений и связей реализуется интегрирующий алгоритм упреждающего либо инактивирующего действия, направленный на противостояние протестной консолидации, выполнение властных намерений по сохранению общественного консенсуса и стабильности.

Итак, результаты проведенного теоретического анализа позволяют констатировать следующее. Смысловое наполнение категории «политический протест» обеспечивается такими характеристиками, как подчиненность законам диалектики и процессуальность, обусловленность и мотивированность, осознанность и целенаправленность, отклоняемость от социально укорененного, институционализированного, властно одобряемого политического стандарта и конфронтационность по отношению к официальному полю политики, субъект-объектная когерентность и ответственность, привязка к конфликтной ситуации и продуцирование последствий как для общества в целом, так агентов и акторов в частности.

Приведение понятия к компонентному виду ориентирует на многоуровневое измерение феномена в параметрах:

- ретроспективного и актуального планов социально-экономического, политико-правового и культурного развития;
- формирования протестного потенциала на уровне глубинных когнитивно- и эмоционально-психологических процессов;
- реорганизации мотивационного поля;
- эволюции вертикальных и горизонтальных, конфронтационных и солидаристских интеракций, диалектики геополитических отношений;
- совершенствования механизмов альтернативной идеологической суггестии и переструктурирования протестных практик, включая усложнение репертуара, освоение новых пространств, стилей, организационных форм;
- модернизации системы правительственных контрмер по направлениям организационного, информационно-идеологического, культурно-воспитательного, политико-правового и репрессивного реагирования.

Список литературы

1. **Белов Г. А., Куприяшин Г. Л., Лебедева Т. П., Марченко Г. И. и др.** Основы политологии: краткий словарь терминов и понятий. М.: Знание России, 1993. 168 с.
2. **Вебер М.** Основные социологические понятия. Избранные произведения / пер. с нем. Ю. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. **Гаджиев К. С., Ирхин Ю. В., Панарин А. С. и др.** Политическая энциклопедия: в 2-х т. М.: Мысль, 1999. Т. 2. 702 с.
4. **Данные ежемесячного опроса ВЦИОМ, посвященного теме возможных протестных выступлений (1 сентября 2013 г.)** [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=925&q_id=63907&date=01.09.2013 (дата обращения: 02.11.2013).
5. **Куприяшин Г. Л., Пугачев В. П., Соловьев А. И. и др.** Введение в политологию: словарь-справочник / под ред. А. И. Пугачева. М.: Аспект Пресс, 1996. 264 с.
6. **Пушкарева Г. В.** Политическое поведение: теоретико-методологические проблемы политологического анализа. М.: Университетский гуманитарный лицей, 2003. 236 с.
7. **Сартори Дж.** Искажение концептов в сравнительной политологии (II) // Полис. 2003. № 4. С. 152-160.
8. **Сорокин П.** Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorok2/02.php (дата обращения: 01.11.2013).
9. **Штомпка П.** Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2008. 664 с.
10. **Шульгина М.** Политический протест как тип социального действия // Ломоносовские чтения-2004. Россия и социальные измерения в современном мире: сборник статей. М.: Макс Пресс, 2004. С. 32-40.
11. **Шюц А.** О множественности реальностей // Социологическое обозрение. 2003. Т. 2. № 2. С. 3-34.
12. **Simon J.** Political Protest during Economic Crises: Protest against the Crisis or the Crisis of Protest? Berlin: Osteuropa-Institut der Freien Universität Berlin, 2012. 98 p.
13. **Tarrow S.** Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics [Электронный ресурс]. URL: <http://www.google.by/books?id=1-VH0c4XpDAC&printsec=copyright&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 01.11.2013).

“POLITICAL PROTEST” CATEGORY: COMPREHENSION FROM DIALECTICS POSITION AND IN THE LIGHT OF CONCEPTUALIZATION

Pustoshinskaya Olga Sergeevna, Ph. D. in Political Sciences
Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies
pustoshinskayaolga@yandex.ru

The article is devoted to the revelation of “political protest” category sense filling. Approaches to the notion interpretation are analyzed, the authorial view on the problem of conceptual determination is stated, which practical significance rises with the lapse of time. Basing on dialectics principles and theoretical model by G. Sartori, the author undertakes an attempt to single out the phenomenon key characteristics, to suggest its empirical research directions.

Key words and phrases: qualitative characteristics of political protest; “ladder of abstractions” by G. Sartori; confrontation state; originality; purposefulness; association with conflict situation.